

Любовь Сумм
ПРЕДИСЛОВИЕ

ПИСЬМА ТЕТИ ДЖЕЙН

Письмо от тети Касс. с просьбой не разглашать, что тетя Джейн написала «Чувство и чувствительность».

Дневник Фанни Найт, 28 сентября 1811

Тетя Кассандра предупредила посвященную в тайну племянницу заранее: «Чувство и чувствительность» вышло в свет в октябре того же года. Кажется, в младшем поколении творчеством «тети Джейн» интересовалась только Фанни; ее сверстница Анна изрядно повеселила обеих теток, когда в разъездной библиотеки решительно отказалась от новинки: «По названию видно, чепуха».

По той же причине пятнадцатью годами ранее издатель, не читая, вернул рукопись «Гордости и предубеждения» — тогда еще «Первых впечатлений». Между 1795 и 1799 годом, в двадцать с небольшим лет, Джейн Остен написала «Первые впечатления» («Гордость и предубеждение»), «Чувство и чувствительность» (первоначально «Элинор и Мэриэн») и первый вариант «Нортенгерского аббатства». Тогда же, вероятно, был создан эпистолярный роман «Леди Сьюзен», относительно которого критики по сей день не договорились, закончен он или все же оборван.

Однако начинала Джейн не с романов, а с пародий на женскую прозу, так что не хуже издателя понимала, до чего все это надоело. Рынок был перенасыщен; образованные девицы с досугом, хорошим языком и богатым воображением взялись за перо. Писательницы числом своим едва ли уступали читательницам. Кое-кто из общего потока выделялся: Джейн никогда не изменяла любви к Фанни Бёрни, у которой позаимствовала фразу «гордость и предубеждение» для названия своего романа, но дамскую литературу пародировала задолго до того, как начала писать всерьез. Улавливала и утрировала тенденции — изысканность чувств, ро-

мантические влюбленности, морализацию, нагромождение таинственных, ужасных и физически невозможных обстоятельств.

В ту пору Джейн отнюдь не искала анонимности — во всяком случае, в кругу семьи. Историю «Прекрасной Кассандры», в нежном возрасте влюбившейся в чепчик и бежавшей с ним из дому, она, естественно, надписывает сестре Кассандре. Для брата Фрэнка, начавшего службу на корабле, сочиняется один абзац об очаровательной семнадцатилетней девушке, в коей не менее прекрасный капитан узнал свою старую жену. Театр абсурда не знал комедии смешнее «Визита», пьесы в двух актах из жизни лордов и леди: знатным особам приходится сидеть друг у друга на коленях, потому что «бабушка никогда не держала в доме более полудюжины стульев», и спать, поджавши ноги, потому что «бабушка велела укоротить кровати, чтобы ей не досаждали гости, ибо из-за дефекта речи не умела развлечь их должным образом», а угощаются они требухой и пудингом из нутряного сала. Эта штучка посвящается брату Джеймсу.

Дорогая племянница,

Огромное расстояние между Роулингом и Стивентоном препятствует мне лично надзирать за твоим Воспитанием и сие попечение остается на долю твоих Родителей, однако я сочла своим Долгом не лишать тебя собственноручного наставления и посылаю тебе Мнения и Указания относительно подобающего юной девице поведения.

Твоя любящая тетя — Автор

2 июля 1793 года

В 1793 году на свет почти одновременно появились дочери братьев Джеймса и Эдварда. Обе еще в колыбели получили от тети по несколько страниц. Фанни досталось «Послание женщины-философа» (вылитая зануда Мэри, третья сестра Беннет) и «Письмо юной леди, чьи чувства оказались сильнее рассудка и побудили ее совершать дурные дела против суждения собственного сердца» — прелестная девица убивает отца и мать, лжесвидетельствует в суде и второпях заканчивает письмо подруге, чтобы успеть перед свадьбой расправиться с сестрой. Повезло Фанни — недаром она выросла любимой племянницей и вышла за баронета.

Для племянницы Анны сочинен визит к даме, слишком нежной, чтобы жить, и слишком утонченной, чтобы умереть. Лейтмотив этого изящного эссе — «чувствительность», как и в первом

из «серьезных» романов Джейн Остен. Поневоле задумаешься, насколько серьезны и насколько ироничны эти романы, тем более заглянув в еще одну безделицу — эпистолярный роман из одного письма (его Джейн Остен подарила кузине с шикарной посвятельной надписью — сплошная аллитерация на «к»).

«Отчего последнее разочарование столь тяжко поразило мои чувства? Почему рана оказалась глубже, почему болит сильнее, чем в иных случаях? — призадумалась «автор» этого послания. — Неужели к Уиллоуби я чувствовала большую склонность, нежели к его любезным предтечам? Или наши чувства обостряются от постоянных разочарований? Должно быть, дражайшая моя Белль, так обстоит дело, ибо я не отдаю себе отчета в более искренней привязанности к Уиллоуби, нежели та, что я испытывала к Невиллю, Фитцоуэну или к обоим Кроуфордам, хотя каждый раз питала самую вечную и бессмертную страсть, какая только воспаляла душу женщины». Пересечения с «Чувством и чувствительностью» бросаются в глаза, вплоть до имени Уиллоуби — а дальше появится фамилия Дэшвуд из того же романа. И «тезками» совпадения не ограничиваются: в письме доводится до абсурда та самая «чувствительность», «вечная и бессмертная страсть», которая изучается в романе. Имеются и другие параллели, в том числе вставная новелла о женщине, чья жизнь загублена роковыми обстоятельствами: в «Чувстве и чувствительности» соблазнительями (во множественном числе! причем та же участь постигает ее незаконную дочь!), в «эпистолярном романе» — тайным браком, о котором знали все.

В этом духе пародии и автопародии написано «Нортенгерское аббатство», где начитавшаяся готических романов героиня принимает искать скелеты в шкафу и трупы в спальне будущего свекра. Но пародия эта особого рода — герои не превращаются в функцию, пародируемая ситуация не перестает быть реальной. Знатки наслаждаются изошренной литературной шуткой, наивные принимают «Аббатство» за всамделишный готический роман (с кровавой картинкой на обложке и с соответствующей рекламой роман выходил в 1965 году в США), а где-то нащупывается средний путь, присущий Джейн Остен: и посмеяться, и над жизнью задуматься. По сути дела, она изобрела жанр ироничного женского романа — благодаря иронии трогательное становится еще трогательнее, живое — еще живее. Не ирония, а сентиментальность, романтическое и возвышенное заслоняют от нас реальность.

Жизнь иронична, потому что она значима.

Всерьез написать серьезный роман я взялась бы разве только под страхом смерти, и если бы непременным условием мне поставили все время придерживаться возвышенного тона, не посмеиваясь над собой и над другими людьми, меня бы, несомненно, повесили еще до конца первой главы. Нет, я должна придерживаться собственного стиля и идти своим путем: хотя, может быть, и на этом пути я не сумею вновь добиться успеха, я совершенно уверена, что на любом другом меня ждет заведомый провал.

Джейн Остен — мистериу Кларку, королевскому библиотекарю

Анонимность, на которой Джейн настаивала при издании «Чувства», первым нарушил Генри. Джейн любила всех своих братьев, но этого, наверное, особенно — яркий, неунывающий человек. Необычная судьба и у его жены, с которой близко дружила Джейн. Кузина Элайза в первом браке была замужем за французским графом; граф оказался подлецом, с ним она рассталась незадолго до Революции, вернулась в Англию и жила в доме Остенов. Благодаря ей Джейн свободно заговорила по-французски и приобщилась к драматургии: Элайза превратила импровизированные сценки, которые разыгрывали младшие Остены, в настоящие театральные постановки. Когда Революция освободила Францию от дворян, а Элайзу от постылого мужа, Генри женился на Элайзе и вместо церковной карьеры, которую планировал для него отец, занялся бизнесом. Долгое время он жил в Лондоне и преуспевал, пока банкротство не вынудило его принять сан. Он и здесь не знал меры — примкнул к суровому, пуританскому крылу англиканской церкви.

И к творчеству сестры Генри относился с таким же энтузиазмом, с каким делал все. Он хлопотал о достойной награде ее заслугам, о статусе национально признанного автора. «Чувство и чувствительность», а в особенности «Гордость и предубеждение» оказались весьма популярны. Их читали «все», одобряли даже члены королевской семьи. Справедливо ли, чтобы автор оставался неизвестным?

И тут — удобный случай. Генри заболел, и Джейн приехала за ним ухаживать (Элайза умерла в 1813 году). Болезнь оказалась упорной, пришлось обратиться к светилу, врачу, лечившему принца-регента. Как не указать человеку, близкому ко двору: вот моя сестра — автор «Гордости и предубеждения».

Вскоре Джейн получила от королевского библиотекаря, мистера Кларка, лестное предложение посвятить очередную книгу

принцу-регенту. Как выяснилось, его Высочество держал ее книги во всех своих резиденциях. Джейн почтительно посвятила ему «Эмму». Но мистеру Кларку этого показалось мало, он хотел с максимальной отдачей использовать национальное достояние и бомбардировал мисс Остен предложениями написать что-нибудь возвышенное: исторический роман (хорошо бы — о династии, с которой британский королевский дом собирался породниться) или нечто нравоучительное, изобразить достойного, образованного священника, подающего всем благой пример.

Всякого рода насилие над творчеством и в особенности тяжеловесная «серьезность» Джейн были чужды. Даже без подобных осложнений публичность ей претила, однако публичности она противопоставляла не одиночество и безвестность, а известность в кругу своих. По отношению к родственникам и друзьям анонимность была скорее мистификацией, игрой. Приятно же, когда родная племянница отбрасывает твою книгу в уверенности, что это чепуха. Не менее приятно, когда племянницы и племянники, все-таки прочитав книгу и так и не догадавшись, кто автор, делятся с «ничего не подозревающей» тетей своими открытиями.

*Тут глаза широко я раззявил,
Будто свин, кого режет мясник Пайл.*
Джеймс Эдвард Остен-Ли

В сих элегантных стихах Джеймс Эдвард, сын брата Джеймса, выразил изумление, узнав, «что имеет честь быть родственником той, чьи труды пленяют всю Британию». Характерная для этого семейства смесь искреннего восхищения и грубоватого юмора, общенационального охвата и домашней шутки. Мясник, разумеется, не абстрактный, а лично знакомый и тете, и племяннику. Пятнадцатилетний Джеймс Эдвард и его сестренка Кэролайн с готовностью присоединились к избранному кругу племянников тети Джейн. Спустя много лет Д.Э. засвидетельствовал в «Мемуарах»:

По нашей просьбе она рассказывала нам всякие подробности из жизни своих персонажей. Так сложилась семейная традиция: мисс Стил не заполучила своего Доктора; Китти Беннет вышла замуж за священника, имевшего приход поблизости от Пемберли, а Мэри волей-неволей удовольствовалась браком с одним из слу-

жащих своего дяди Филиписа и статусом звезды на тусклом небосклоне Меритона, а также:

— «существенная сумма», которую миссис Норрис вручила Уильяму Прайсу, составляла ровно один фунт;

— мистер Вудхауз смирился с замужеством дочери, но ей и мистеру Найтли пришлось ждать два года, прежде чем поселиться в Донуэлле;

— да, кстати, буквы, которые Фрэнк Черчилль выложил перед Джейн Фэрфакс (а она отмела их, не читая), складывались в слово «Прости».

Только о славных персонажах «Нортэнгерского аббатства» и «Доводов рассудка» мы не узнали ничего сверх написанного в книге, потому что еще до публикации этих романов их автор покинул нас, и эти увлекательные беседы смолкли навеки.

Почему так хочется продолжений и дополнений именно к книгам Джейн Остен? Почему по «Гордости и предубеждению» снято рекордное количество фильмов, удачных и неудачных, почему нам все время кажется, что из ее романов можно извлечь что-то еще? Откуда берется огромная армия подражателей — вернее, подражательниц? Напрашивается ответ: женское чтиво, бабья склонность к болтливости, к сериалам. Но почему из всех выбрали именно Джейн? В ту эпоху писали множество романов, большинство из них — такого же пошиба, как ныне, про лордов и леди, которых никто в глаза не видал. И прекрасные любовные романы есть и в том, и в следующих поколениях. Неистовая Шарлотта Бронте (которая считала Джейн Остен пресной и прозаичной) берет за сердце и не отпускает. Но сколько бы мы ни перечитывали «Джейн Эйр», додумывать пытаемся — Джейн Остен. Именно потому, что ее романы не только про любовь, но про жизнь, про бытовые и социальные отношения, про то, что было у людей в голове и как это проявлялось в их жизни. Джейн Остен превратила роман в историю повседневности, по ее текстам можно реконструировать эпоху. Людям ее круга комментарии не требовались, но каким-то чудом — и это действительно чудо ее писательского дара — не особо нуждаемся в пояснениях и мы. Склад этого общества интуитивно понятен с первых же страниц. Как-то незаметно, ненавязчиво из ее книг складывается энциклопедия английской жизни начала XIX века. Все там есть: сословные отношения, этикет, наряды, цены. Мимходом, в привычной своей манере, г-н Беннет обращается к дочери,

отделяющей шляпку, — дескать, будем надеяться, г-ну Бингли шляпка понравится. При каком-нибудь пятом-седьмом перечитывании мы сообразим-таки, что девицы своими шляпками занимались сами. И услышим намек г-жи Беннет: ее дочери, в отличие от дочерей сэра Лукаса, не возьмется на кухне. И это скажет нам гораздо больше, чем подробная таблица со сведениями, сколько времени в среднем барышни уделяли быту и какая работа по хозяйству считалась достойной.

Я вычеркнула сцену между лордом Портменом и г-ном Гриффином. Сельского врача (только не говори г-ну Линфорду) не представляют людям такого звания.

Джейн — Анне

Не только современные поклонницы «заражаются» от чтения Джейн Остен и придумывают продолжения к ее романам или романам из ее жизни. Племянница Анна — та самая, не одобрявшая легкого чтива, — распробовав «Чувство и чувствительность», а потом и «Гордость и предубеждение», тоже взялась за перо. Глава за главой отправлялись вместо писем бабушке и тетям, которые хором обсуждали удачные и слабые стороны, особенно реалистичность характеров и поступков.

Прекрасное название было у книги: «Которая из них героиня?» Насмешливый дух Джейн передался племяннице: она тоже пыталась создать персонажей узнаваемых и смешных. После тетиной смерти Анна уничтожила свою рукопись. Ни живых характеров, ни точных подробностей без тети Джейн уже не получилось бы. Кто еще побежит в библиотеку проверять расстояние между Доулишем и Батом или правильное обращение к графскому сыну? И кто вычислит поведение героев даже в ситуациях, которые не вошли в книгу? Тетушка Джейн умерла, и некому было научить Анну точности в деталях и полному, скрытому от читателей знанию своих персонажей.

Сообщи Фанни, что я видела небольшой портрет г-жи Бингли, чрезвычайно схожий с оригиналом... Это она: форма и черты лица, присущее ей милое выражение... белое платье с зеленой отделкой, я так и думала, это ее любимый цвет. Г-жа Д., полагаю, предпочла желтый.

Джейн — сестре Кассандре

Значит, она знала, что зеленое к лицу г-же Бингли? А почему нам не рассказала? Почему вопреки привычной для XVIII — начала XIX века обстоятельности мы не находим у Джейн Остен подробных портретов и уборов? А ведь к внешности Джейн Остен была пристальна, охотно потешала сестру такими наблюдениями: «Г-жа Р. с розовыми бусами на толстой розовой шее», — или: «Адмирала Н. я не могу признать идеальным джентльменом: у него слишком короткие ноги и слишком длинные фалды». И покупка очередной «тряпочки» обсуждается чуть ли не в каждом письме Кассандре. Но что произойдет, если известные автору и племянникам подробности войдут в книгу? Поместим в роман описание наружности Элайзы и Джейн. Добавим к трем сыгранным в конце свадьбам еще две. И книга девальвирует, превращаясь в «дамское чтиво».

Чувство меры (а отчасти и желание подразнить читательское любопытство) вовремя останавливало перо Джейн. Она знала, что будет с каждой из сестер Беннет, но вполне удовлетворилась рассказом о двух героинях и одной антигероине, тем более что их судьбы взаимосвязаны. Все концы она сводит только в домашнем разговоре.

И о наружности героев мы не знаем ничего конкретного — образ складывается из отдельных черт, из отношения окружающих, из обмена репликами, из интонаций. Дар Остен: показать нам одну черточку, один предмет в обстановке, причем глазами героев — в момент восприятия, эмоционально окрашенно. Мы воспринимаем ее персонажей «как живых», поскольку именно так, то одним, то другим боком, сталкиваемся с людьми в реальности. Дарси, а не автор, замечает выразительные глаза Элизабет, только для Дарси ее черты, сами по себе «неправильные», в совокупности оказываются неотразимыми. В устах рассказчика это было бы штампом.

Если бы Джейн Остен не представляла себе до мельчайшей подробности, как выглядели, что надевали, в каких декорациях двигались ее персонажи, в романах недоставало бы «воздуха». Текст оттого и выходит таким плотным, что автор многое знает, да не все говорит. Именно потому, что она знает все, она может бросить тут штрих, там намек — и возникает образ.

Много часов проведя в галерее, Джейн Остен убедилась, что портрет Элайзы (непременно в желтом) отсутствует. Вероятно, мистер Дарси не стал его выставлять. Ведь он не такой, как Бингли, — чем искреннее любит, тем сильнее его сдержанность и гордость, пишет она.

Не так ли и сама она относится к персонажам? Любить своих героев не значит выставлять их напоказ, исчерпывать, чтобы читателю уже ничего и знать о них не хотелось. И ее племянники, оставившие подробные мемуары, и сестра Кассандра, которая берегла переписку и под старость многое рассказывала, чтобы пополнить их воспоминания, в своей любви не забывали о гордости и сдержанности.

Совершенство встречается один раз на тысячу, и даже если это совершенство окажется вдобавок старшим сыном, надо еще, чтобы это был друг твоих родственников, или родственник твоих друзей, или человек из того же графства.

Джейн — Фанни

Поскольку речь идет о любовных или скорее матримониальных романах, вопрос о возможности (желательности) того или иного брака становится ключевым. Легко заметить, что в романах Джейн Остен кандидатура оказывается «неподходящей» не по генеалогическому принципу, а именно по соображениям «совершенства» и финансов. Закон майората, причиняющий такие огорчения г-же Беннет, делал единственным наследником старшего сына, а в отсутствие сына — ближайшего родственника по мужской линии. Вдова получала свое приданое и некую дополнительную сумму, если сие предусматривалось брачным договором. На такие весьма скромные средства предстояло жить ей и ее незамужним дочерям (стремление г-жи Беннет выдать дочерей замуж вполне эгоистично — меньше нахлебников). Богатый помещик мог скопить приданое дочерям, однако персонажи Остен по легкомыслию не урезают себя в расходах. А отец Джейн, священник, получавший 600 фунтов в год, имел возможность отложить разве что себе на старость. Что это означает, Джейн и ее сестра понимали смолоду — прекрасный во всех отношениях молодой человек, своего круга и близкий по духу, просто не имеет права жениться на бесприданнице, если сам он не старший сын.

Обе сестры, Джейн и Кассандра, были живыми и веселыми девушками, расположенными и к флирту, и к любви. В конце 1795 года к их друзьям Лефроям приехал из Ирландии племянник, сверстник Джейн. Он был ей приятен, и сам слегка влюблен, но оба оказались достаточно благоразумны, чтобы не дать волю своему чувству. Даже этот легкий флирт без намерения жениться

тетя Лефроя сочла непорядочным по отношению к Джейн и в следующем году в порядке компенсации познакомила ее с преподобным Сэмюэлем Блэколлом. Замуж за него Джейн выйти не пожелала, зато в «Гордости и предубеждении» появился занудливый Коллинз. В двадцать с небольшим лет она уже умела осмысливать, а порой и подправлять жизнь — в романах.

Кассандра в 1794 году обручилась с молодым священником Томасом Фоулом. Для создания семьи не хватало средств; через два года Томас отправился капелланом на Карибские острова, надеясь заслужить повышение, но вскоре умер от желтой лихорадки. В письмах Кассандре за тот период — всплеск грубоватого юмора и едких наблюдений над человеческой природой вообще и женской глупостью в частности. Плоские шуточки повышали настроение.

Около 1799 или 1800 года в творчестве Джейн наступил перерыв. Свою задачу романы выполнили: помогли понять жизнь и примириться с ней. Издавать их, по-видимому, никто не собирался. В 1800 году отец решил выйти на пенсию и переселиться в Бат, оставив приход Джеймсу. Джейн и Кассандра переезжали вместе с родителями. Обе скучали по Стивентону, и, вероятно, тоской по дому и желанием обрести собственный угол объясняется единственный опрометчивый поступок Джейн: 2 декабря 1802 года, когда сестры гостили у друзей поблизости от Стивентона, юный Харрис Биг-Уизер (он был на шесть лет моложе), наследник большого состояния, сделал ей предложение, и она согласилась — только затем, чтобы на следующий же день разорвать помолвку. Не хватило «бескорыстного рвения устроить свою судьбу», как она иронизировала в адрес бесприданниц, торопящихся ухватить какого угодно мужа.

Спустя много лет Кассандра рассказывала племянницам, что в том же 1802 году на взморье Джейн познакомилась с человеком, который во всех отношениях ей бы подошел. Он ей нравился — возможно, Джейн впервые полюбила, — и он, по мнению Кассандры, был пленен. Они расстались с надеждой на встречу, но вскоре этот человек погиб. Предположительно, это был капитан Вордсворт, брат знаменитого поэта, но имени Кассандра не упоминала. Многое в этой истории осталось скрытым по воле и самой Джейн, и Кассандры, которая сочла нужным уничтожить переписку с июня 1801-го по август 1804-го. Не имя этого человека и тем более не подробности романа хотела она сообщить, а лишь напомнить, что Джейн не была синим чулком, что в своих романах она смеется

над чувствительностью, не над чувством. И не только в книгах, но и в жизни человеческие качества, уровень отношений Джейн ставила выше и практических соображений «устроиться», и слепого самообмана влюбленности.

Три-четыре сельские семьи — самый подходящий набор персонажей.

Джейн — Анне

Легко заметить, что мир в романах Остен довольно тесен. Этим объясняется то обилие совпадений, которое сейчас кажется натяжкой: разными путями, но практически одновременно Дарси и Уикэм попадают в одно и то же графство и знакомятся с Элизабет; тетка Элизабет в молодости жила рядом с Пемберли и знала (хотя бы понаслышке) семейство Дарси; и совсем уж невероятно — родственник Беннетов, г-н Коллинз, получил церковный приход в имении тетки Дарси, грозной леди Кэтрин.

Но такие совпадения перестанут казаться искусственными, если вспомнить, что в ту пору в Англии и Шотландии насчитывалось всего пять тысяч помещиков плюс одиннадцать тысяч священников, и по большей части они состояли в родстве, свойстве или соседстве. К тому же с матримониальными целями молодых людей усиленно знакомили — с этой процедуры начинается «Гордость и предубеждение»; девушек то и дело отправляли в гости к родным и друзьям, чтобы расширить их круг общения.

Священником с крупным приходом, «ректором», мог стать сын крупного землевладельца (помещики распоряжались приходами в своих имениях) или человек, располагающий достаточными средствами, чтобы за эту привилегию заплатить. То есть священник, как правило, был связан родственными узами с помещичьими и богатыми семьями, он и его дети приняты в обществе. Однако приход — не имение, по наследству его не передашь, и даже если удастся пристроить на свое место сына (Джордж Остен вышел на пенсию, чтобы прижизненно уступить приход Джеймсу), дочери остаются необеспеченными. В ловле женихов, основном светском занятии, бесприданница не участвует, в Лондон на сезон не выезжает, и столичного шика ей недостает (племянница Фанни откровенно писала младшей сестре Кэролайн, что тетушки порой бывали вульгарны). Зато вместо светских навыков на долю Джейн выпало больше литературы, больше прогулок на природе и возможность